

Глава 21

— Открывай! Живее открывай!

В дверь гулко и нетерпеливо забарабанили. Е Сяююань, только что вышедший из маленькой кухни, поспешил на стук.

— Ваше высочество четвёртый принц? Пятый? Шестой? — изумлённо воскликнул он, распахивая створки. — Что привело вас троих в нашу обитель?

— Мы к Седьмому брату! — звонко объявил Шестой принц.

Четвёртый принц важно кивнул:

— Именно.

Пятый принц хранил угрюмое молчание, пока Шестой не отвесил ему чувствительный пинок. Только тогда мальчик выдавил:

— Да, мы пришли навестить Седьмого брата.

Е Сяююань виновато улыбнулся:

— Прошу прощения, Ваши Высочества, но мой господин занемог. Вам лучше не входить, чтобы, упаси небо, не подхватить заразу.

— Занемог? — Принцы переглянулись. Эта новость, только что достигшая их ушей, явно застала их врасплох.

— Значит ли это, что Седьмой брат никуда не уезжает? — подал голос Четвёртый принц.

Взгляд Е Сяююаня мгновенно померк. Кто знал, как решит Его Величество? Указ уже оглашён, и не исключено, что больного принца заставят пуститься в путь, несмотря на недуг.

— Да что гадать! Пойдём и посмотрим! — Шестой принц, пользуясь своим малым ростом, проворно шмыгнул мимо слуги и скрылся в глубине покоев.

— Ваше Высочество! Пойдите! — Е Сяююань бросился вдогонку.

Он больше всего боялся, что холодный сквозняк из распахнутых дверей навредит Цюй Дубяню,

да и гнева Драгоценной наложницы Лань опасался не меньше. Однако, подбежав к спальне, он замер: двери в покои принца уже были открыты настежь, а в воздухе плыл тяжёлый, горький дух целебных трав.

Сяюань вбежал внутрь и увидел Вэнь Сяочуня. Тот неподвижно застыл у кровати, сжимая в руках какой-то клочок бумаги. У его ног лежали осколки разбитой чаши, а тёмно-коричневая лужица лекарства медленно растекалась по полу.

Шестой принц уже прыгнул к постели:

— Эй?! А где же Седьмой брат? Его тут нет!

Глаза Вэнь Сяочуня медленно шевельнулись, взгляд был направлен в пустоту. Дурное предчувствие ледяным комом подкатило к горлу Е Сяюаня. Он выхватил бумагу из рук товарища, и стоило ему пробежать глазами по строчкам, как разум словно поразило молнией. В голове стало пусто, всё тело онемело.

Шестой принц дернул его за край одежды:

— Ну чего ты молчишь? Где брат? — Он сердито топнул ногой. — Вы что, спрятали его?!

Снаружи слышались торопливые шаги и шум голосов. В дворец Цзюйань прибыли шесть лекарей из Императорской медицинской академии. Императорский лекарь Цю, шедший во главе, негромко пояснял спутникам:

— Прощу вас, господа, проходите скорее. Его Высочество внутри. Как я уже говорил, положение весьма опасное, нам едва удалось немного сбить...

Дойдя до порога, он возмущённо прикрикнул:

— Почему двери в спальню распахнуты? Сквозняк же погубит дитя!

Войдя, лекари один за другим смолкли, вперив взгляды в пустую, остывшую постель.

И Шиэр, присланный императором во второй раз, приподнял черепицу на крыше и заглянул внутрь.

«?»

А где человек?

Е Сяюань судорожно вздохнул, пытаясь обрести голос:

— Принц... он сам куда-то ушёл... Его Высочество пропал!

Записка пошла по рукам. Теперь паника охватила не только слуг, но и лекарей. Маленький улыбающийся лик, нарисованный в конце послания, показался им зловещей ухмылкой самого бога смерти.

Выйти на холод в таком состоянии — верная гибель. А ведь они ещё даже не приступали к лечению! Если Его Величество разгневаётся, не видать им голов. В памяти медиков живо воскресли слова, сказанные два года назад: «Если не вылечите — вся академия ляжет в могилу вместе с ними!» Похоже, наложница Юнь и её сын были рождены лишь для того, чтобы сводить лекарей в гроб.

Даже если их не казнят, от страха можно было лишиться рассудка. Лекарь Цю, с дрожащей от волнения бородой, принялся раздавать указания:

— Искать! Всем искать!

Весть о «предсмертном» послании Седьмого принца, который, будучи при смерти, покинул постель ради единственного взгляда на отца, мгновенно разлетелась по дворцу.

Вскоре записка, оставленная Цюй Дубянем, оказалась в руках императора Чунчжао.

Стоило евнуху Юю увидеть эти неровные строчки, как сердце его болезненно сжалось. Он вспомнил их недавнюю встречу на Большой кухне и то, как доверчиво Маленький принц обнял его. Перед такой чистотой не устояло бы и самое чёрствое сердце.

Иероглифов было немного, но каждое слово било в цель. Ребёнок писал о наложнице Юнь, о том, что скоро вернётся в её объятия, и лишь об одном просил перед уходом — хоть раз увидеть отца, которого никогда не знал. Даже Юй Дэцай, старый евнух, искушённый в дворцовых интригах и давно привыкший к людскому горю, почувствовал острую боль в груди. Что уж говорить о самом императоре.

Пророчество могло сулить беды, но в чём была вина невинного дитя?

Евнух видел, как Его Величество, лишь мельком взглянув на бумагу, судорожно сжал её в кулаке. Император Чунчжао, никогда прежде не знавший подобного смятения, на мгновение лишился дара речи. Голос его, когда он заговорил, звучал глухо, словно вырываясь из самой глубины горла, хотя он и пытался сохранить видимое спокойствие.

— Поднять личную стражу, дозорные отряды всех дворцов, евнухов и служанок. Всех до единого!

— Переверните дворец вверх дном, но найдите его!

Евнух Юй поспешил исполнить приказ. Он и не подозревал, что буря в душе императора была куда страшнее, чем казалось со стороны. Перед глазами императора Чунчжао раз за разом вспыхивали картины ночного кошмара: угасающий на руках сын и горестный крик Юэцин в бушующем пламени.

«Астрологическое управление погубило меня! Возмездие неминуемо!»

«Ваше Величество, спасите Дубяня! Спасите нашу плоть и кровь!»

Пальцы императора сжимали записку всё крепче. Зерно сомнения, которое он так долго пытался игнорировать, наконец пустило в его сердце глубокие корни.

***

Весь императорский дворец пришёл в движение. Крики и шум поисков не утихали, и вскоре весть достигла дворца Фэнью.

Светский раут наложниц как раз подошёл к концу. Едва дамы покинули покои государыни, как у ворот их встретил евнух Бао с тревожным известием. Он передал волю императора: всем дворцам выделить людей на поиски Седьмого принца.

Благородная госпожа Жун поправила изящную причёску. При евнухе Бао, служившем при особе государя, она не посмела сказать лишнего, лишь обронила:

— Какое беспокойное дитя. Что ж, поможем в поисках, раз так.

Затем она тихонько шепнула на ухо Драгоценной наложнице Лань:

— Куда ему до нашего Шестого принца — тот и шага не сделает без спроса.

Евнух Бао тем временем добавил:

— Есть и ещё кое-что. Драгоценная наложница Лань, наложница И и вы, Благородная госпожа Жун, можете не утруждать себя распоряжениями.

— Это ещё почему? — удивилась Жун.

— Четвёртый, Пятый и Шестой принцы самовольно забрали всех слуг из ваших дворцов, каких только смогли найти. Теперь они вместе со стражей прочёсывают территорию.

— ... — Жун лишилась дара речи.

— ... — Лань застыла с застывшей полуулыбкой.

— Зачинщиком стал именно Шестой принц, — продолжал Бао. — Истинный пример братской любви. Ваше Высочество, — обратился он к Лань, — возможно, вам стоит подольше задержаться у императрицы. Во дворец Сюсян не осталось даже поваров. Боюсь, если вам не по вкусу еда из Большой кухни, вы рискуете остаться без обеда.

— ... — Лань готова была взорваться от негодования.

Наложница И вдруг тяжело вздохнула.

Драгоценной наложнице Лань меньше всего хотелось, чтобы её сын тратил силы на поиски отпрыска ненавистной соперницы. Какие ещё поиски? Достаточно было просто сделать вид. Если бы этот мальчишка сгинул где-нибудь в тёмном углу, из её жизни исчезла бы ещё одна досадная помеха.

С трудом сдерживая фальшивую улыбку, она проговорила:

— Они ведь дети, только под ногами путаться будут. Евнух Бао, быть может, стоит велеть им вернуться? Наложница И, вы ведь согласны со мной?

Но та лишь покачала головой:

— Я лишь гадаю, не забыл ли мой Четвёртый принц взять с собой подушку. Переживаю, как бы он не уснул прямо на дороге и на него кто-нибудь не наступил.

— ... — Лань.

— ... — Бао.

***

Солнце клонилось к закату, тени становились длиннее, но принца так и не нашли. Императорский дворец славился умением хранить тайны, но здесь же они разлетались быстрее ветра. Родственные связи между императорским кланом и знатными домами сделали своё дело: вскоре о происшествии знала добрая половина сановников.

Пусть они и были внешними чинами, дела правящего дома касались их напрямую. По меньшей мере, от настроения государя зависел исход любого доклада на утреннем совете.

Великий наставник Фан, едва прознав о случившемся, помрачнел. Он даже не притронулся к ужину — бросив Старую госпожу Фан за столом, он поспешил к выходу.

— Куда это ты на ночь глядя?! — окликнула его супруга.

— В поместье Маркиза, Держащего Меч!

Раз слухи дошли до них, в поместье Маркиза, Держащего Меч, и давным-давно всё знали. Маркиз сейчас находился в Северных землях, но его супруга оставалась в столице. А Старая госпожа Хоу была женщиной не из тех, кто привык сидеть сложа руки.

Услышав это имя, госпожа Фан всё поняла. В сердцах она сбросила туфлю и запустила ей вслед мужу.

— Старый пень, стой! Старая госпожа Хоу всё же женщина, не пристало тебе являться к ней в такой час одному. погоди, я с тобой!

Всё поместье Фан пришло в движение: зажигались фонари, запрягались кони, распахивались ворота. Экипаж четы Фан на всех парах помчался к дому Маркиза.

Поместье Маркиза, Держащего Меч, ныне казалось безлюдной и тихой. Не потому, что император лишил Сюй Цзиня своего доверия, — просто в роду не осталось наследников. Единственная дочь, Сюй Юэцин, ставшая наложницей Юнь, скончалась в ту самую ночь, когда подарила жизнь принцу.

Маркиз охранял северные рубежи и редко бывал в столице. Старая госпожа Хоу вела затворническую жизнь, избегала пышных приёмов и проводила время в молитвах, посещая то буддийские храмы, то даосские обители. Никто не знал, какому богу она вверяет свою душу. У семьи Сюй были и боковые ветви, но после смерти наложницы Юнь отношения между ними окончательно разладились. Супруги не стали усыновлять детей из родни, и их славный род, подобно замку из песка, рисковал исчезнуть с уходом этого поколения.

В этот миг ворота поместья с грохотом распахнулись. Из них вышла женщина. Лицо её не было тронуту глубокими морщинами, но волосы почти целиком серебрились сединой, а плечи слегка сутулились.

То была Старая госпожа Хоу. Её истинное имя, У Сывань, звучало мягко и нежно, но суровые ветра Северных земель закалили её характер, наполнив его несгибаемой стойкостью. Слуги в этом доме отличались от обычной дворни — в каждом угадывалась военная выправка. Разного возраста, от глубоких стариков до совсем юных парней, все они имели одно общее: на их телах виднелись следы былых сражений. То были воины, вернувшиеся с полей брани калеками, которым некуда было идти. Маркиз привечал их в своём доме, доверяя им покой супруги и охрану родного очага.

— Госпожа, госпожа! — Сзади подбежала верная служанка. — Неужели вы отправитесь одна? Возьмите хотя бы брата Дая или сестру Жэнь!

— Нет, — отрезала Старая госпожа Хоу. — Я поеду сама.

Она приняла из рук конюха поводья, привычно проверила подпругу и похлопала коня по шее.

— Госпожа, может, всё же в карете? Лекарь говорил, что ваши кости не вынесут такой скачки.

— На коне я буду быстрее, — ответила она. — А чем быстрее буду я, тем меньше страданий выпадет на долю сына моей Юэцин, моего внука.

Она легко вскочила в седло. Но не успел свистнуть хлыст, как послышался стремительный перестук колёс и отчаянный крик:

— Невестка! Невестка! Пстой!

Экипаж семьи Фан замер у ворот. Великий наставник Фан почти вывалился из кареты и бросился к госпоже Хоу. Обливаясь потом, он забыл о приличиях и лишь торопливо вскинул руки в приветственном жесте.

— Невестка, не спеши! Спустишь на землю, давай всё обсудим!

Старая госпожа Фан тоже поспешила на помощь:

— Верно, милая, слезай. Поговорим спокойно. — Она была чуть старше Хоу, и обращение «сестрёнка» было вполне уместным.

Фан продолжал:

— Его Величество не оставил Маленького принца своими заботами. Сейчас не время идти во дворец — там царит неразбериха, государь наверняка разгневан, вы только...

Старая госпожа Хоу посмотрела на него сверху вниз:

— Когда Юэцин умирала в муках, мы со стариком метались от бессилия, но нас не пустили за порог. Моя единственная дочь отдала жизнь в тех стенах. Тогда я поклялась: если нечто подобное повторится, я прорвусь во дворец, чего бы мне это ни стоило.

— Нам оставили это дитя, но на него навесили клеймо «греховного плода». Ребёнок, за которого моя дочь заплатила жизнью — греховный плод?! Три года его изводили

пренебрежением, а теперь решили сослать в загородный дворец. Ни одна мать не сможет смотреть на то, как топчут её дитя. Если бы Юэцин увидела это, разве смогла бы она обрести покой на небесах?!

— Ребёнок болен, он горит в лихорадке и пропал — и вы называете это «не оставил заботами»? Уж лучше лишить его титула и сделать простолюдином, чем бросать на растерзание дворцовым псам!

В её глазах на миг блеснули слёзы, но она тут же смахнула их, и лицо её вновь стало холодным и жёстким.

— Пусть наше поместье уже не то, что прежде, но чашку риса для ребёнка мы всегда найдём. Если император не желает растить сына — что ж, его вырастит дом Маркиза!

Старая госпожа Хоу резко взмахнула хлыстом и во весь опор помчалась к дворцовым воротам.

<http://bllate.org/book/16117/1585491>